

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ИГНАТЬЕВ

16-го апреля 1991 года под сводами Петропавловского собора в Томске прозвучала «Вечная память» Ф. Тугушева, которую подняли в высь чистые голоса учащихся Томского музыкального училища. В этот день состоялась панихида в память тех, кто был учителями и наставниками их сверстников в 1937 году. В тот окаянный год в Томске были арестованы и расстреляны преподаватели музыкального училища Я. С. Медлин, Ф. Н. Тютрюмова, В. А. Муравьев, А. А. Игнатъев.

Сегодня история возвращает нам их добрые имена. Спасено от полного забвения и имя протоиерея Алексея — Игнатъева. Даже в имеющемся в томском церковном обиходе синодике нет имени протоиерея Алексея. Лишь смутные воспоминания остались в памяти тех, кто помнит его по первой половине 30-х годов. Но обнаруженные в последнее время документы раскрывают некоторые страницы биографии Игнатъева.

Алексей Алексеевич Игнатъев родился в 1879 году в городе Перми. В 1908 году он окончил Казанское музыкальное училище, и начал заниматься музыкально-педагогической деятельностью. Но вскоре он принял решение продолжать образование в духовной семинарии, которую окончил в 1914 году.

Алексей Алексеевич получил место законоучителя в реальном училище одного из городов Вятской губернии. Затем, переехав в Екатеринбург, до 1918 года был законоучителем в мужской гимназии.

Все эти годы он не оставлял занятия музыкой и также работал регентом. С 1918 по 1921 год А. А. Игнатъев жил в Красноярске. Там он был рукоположен в сан священника. На служение в Томск протоиерей Алексей был переведен в 1922 году на должность священника. К сожалению, о делах его на этом поприще ничего не известно.

Томское музыкальное училище — это вторая сфера деятельности протоиерея Алексея. По воспоминаниям его бывших учеников, это был эрудированный, интеллигентный, доброжелательный человек, на уроки которого ходили с особым прилежанием. Он блестяще знал свой предмет — музыкально-теоретические дисциплины. Определив его на должность преподавателя ТМУ, руководство училища не ошиблось. Вскоре он стал заведующим учебной частью училища, продолжая при этом вести теоретические предметы и хор. Не оставлял протоиерей и своих обязанностей священнослужителя.

Катастрофа произошла 27 июля 1937 года. Алексей Алексеевич был арестован органами НКВД как участник контрреволюционной кадетско-монархической организации. Тройкой НКВД он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в Томске 29 августа 1937 года. Дело Игнатъева было пересмотрено военным трибуналом СибВо г. Новосибирска 13 декабря 1960 года. Приговор 1937 года был отменен, дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Сейчас портрет Алексея Алексеевича Игнатъева висит в фойе Томского музыкального училища. Выполнен он с единственного сохранившегося его изображения на общей фотографии 1933 года.

ЛЮБИМЫЙ УЧИТЕЛЬ

по воспоминаниям К. К. Крымской

Мое знакомство, мои первые встречи с А. А. Игнатьевым состоялись в Барнауле в начале 30-х годов во время его неоднократных наездов. Помню первую встречу. Однажды нас, учеников музыкальной школы им. Глазунова, попросили как можно лучше подготовиться по специальности и, особенно, по теории и сольфеджио. Мы стали спрашивать, что случилось, почему все так взволнованы? Нам ответили, что ожидается из Томского музыкального училища известный теоретик Алексей Алексеевич Игнатьев — наш шеф. Предупредили, что он очень требовательный, хотя большой шутник и весельчак.

И вот долгожданный день. На один из уроков сольфеджио пришла целая группа педагогов и среди них — незнакомый человек с обаятельной улыбкой под пшеничными усами, с красивым оскалом прекрасных зубов. Шумный в меру, веселый и обаятельный, он всех нас сразу покори́л и привлек к себе наше внимание. Мы, ученики, переглянулись и догадались, что это он — Игнатьев. Алексей Алексеевич повел урок в быстром решительном темпе. По сольфеджио один номер делил на 2-х — 3-х учеников: один начинал, затем продолжал другой, третий. Это было настолько для нас непривычно, что мы окончательно запутались... и раздался дружный смех всего класса. Немного успокоившись, мы стали доказывать, что мы многое прошли, много пели и диктанты пишем неплохо.

— Вот наши тетради с отметками, — говорили мы, — посмотрите и дайте нам спеть всем по номеру!

Дал. Улыбнулся, похвалил, погрозил шутливо пальцем и предупредил, что в музыкальном техникуме, кто придет учиться, обязан будет по сольфеджио в любую минуту, в любом такте перехватить товарища и продолжать петь и дирижировать.

— О-о-о! — раздалось в классе.

— Да-да! Только так!

В следующий приезд Алексей Алексеевич сидел тихо и слушал, как педагог проводит урок. Наш любимый директор музыкальной школы Антон Иванович Марцинковский, указав на выпускников, просил их «любить и жаловать».

Алексей Алексеевич внимательно слушал наши ответы, а потом сказал: «приезжайте, будем ждать!»

А вскоре я поехала учиться в Томский музтехникум и привезла Алексею Алексеевичу письма и приветы от преподавателей школы

и учеников. Игнатъев встретил меня очень приветливо:

— А, старая знакомая! Ну-ну, приятно-приятно! — и стал расспрашивать об Антоне Ивановиче, Платоновой — педагоге по фортепиано, теории Анохине и других преподавателях.

— Ну как, Крымская, приехала колы получать или что? — шутил он.

Удивительно умел он завладеть вниманием студентов на своих уроках и сделать предмет сольфеджио и элементарную теорию захватывающе интересными предметами. Ни одной минуты безделья! Все вертелось! Вот уже и звонок, а с урока уходить не хочется! Да и сам Алексей Алексеевич так увлекался, что тоже неохотно уходил с урока. Это был педагог по призванию, страшно любил предмет и с юношеским энтузиазмом относился к нему. Что касается нас, то даже отрицательная оценка на его уроке — не как у всех. Чуть ошибся — кол, единица! Причем сообщал он это таким тоном, что несколько не было оскорбительно, а только вызывало какое-то чувство неловкости и вины перед ним, что не оправдали его надежд. Но зато в другой раз такого промаха не повторялось. У него мы научились технике петь с листа и дирижировать. Даже диктанты он умел научить записывать легко и просто. Поэтому у него на уроках студенты больше всего получали высокие положительные оценки. Уроки у Игнатъева были настолько интересными и содержательными, что даже самый ленивый студент не позволял себе приходиться неподготовленным.

Мы, где только можно, собирались небольшими группами: пели, дирижировали и писали диктанты и если чувствовали слабость товарища, дружно помогали ему и добивались отличных результатов. Великий он был мастер вести урок и был прекрасный психолог. Он знал, на кого и как воздействовать, причем все это без нажима и окрика. Его уроки всегда охотнее посещались: он как-то умел быть строгим без нервозности, а когда видел, что студенты устали, умел разрядить напряженность вовремя сказанной остроумной шуткой.

Главное, за что все мы, кто его помнит и учился у него, благодарны Алексею Алексеевичу за его любовь к музыке, за привитые навыки трудолюбия, чувство дружбы и товарищества. Жили мы дружно — за этим зорко следил А. А. Игнатъев.

Занятия у Алексея Алексеевича настолько ценились, что каждый студент обязательно вел конспект. Каждое сказанное им слово ценилось дороже золота. Я знаю, что ученики Алексея Алексеевича начинали работать по конспектам, записанным на его уроках. Да разве только начинали! Для многих эти конспекты явились основой их методической и педагогической системы. Его

бывшая ученица, преподаватель Алма-Атинского музыкального училища Валентина Алексеевна Писмарева, всю свою жизнь следовала методическим принципам А. А. Игнатьева и стала великолепным преподавателем теории и сольфеджио. Всегда вспоминает она своего учителя с глубокой любовью и уважением.

Мне вспоминается, что Алексей Алексеевич любил рано утром приходить и поднимать нас с постели. Бывало зайдет в комнату и своим юношеским выразительным баритоном скажет: — «О поле, поле, кто тебя усеял...», а мы шумно заканчивали: — «... мертвыми телами!..» — и — общий смех! А как только он выходил из комнаты, быстро поднимались. Попробуй, не встань! За шуткой — строгий контроль. Мы это знали и даже за это его любили и любили его посещения по утрам.

Летом 1937 года я встретила Алексея Алексеевича в комнате комитета комсомола. Он сидел очень грустный, с серым усталым лицом. Я ахнула!

— Что с вами? — спросила я.

— Возьмут меня скоро, вслед за моими коллегами и нашими отличниками. Чует мое сердце. Вот увидите.

Что можно было сказать ему? Беда уже пришла в стены музтехникума: не было Медина, Муравьева... Мы сидели и молчали...

Скоро не стало и Алексея Алексеевича, предчувствие его не обмануло.

Сейчас, через много лет, вспоминается мне Алексей Алексеевич Игнатьев шумным, веселым жизнелюбцем. Если во время какого-либо праздника мы слышали шутки и смех, то душой этого кружка был всегда наш Алексей Алексеевич. Помню, как любил он зайти к нам в нашу третью комнату и поглотить кожурки от брюквы. Как мы не старались угостить его самым лучшим ломтиком — ан нет! — кожурки лучше! Смеялись мы и он с нами заразительно смеялся, а сам продолжал грызть одну за другой кожурку от брюквы.

Из чувства любви и уважения к педагогам Юлии Адольфовне Билевич и Алексею Алексеевичу Игнатьеву наша комната вкладчину сделала и преподнесла им их портреты, увеличенные с фотографии, с нашими дарственными надписями. И надо было видеть, сколько благодарности выражали взгляды их за эти скромные подарки.